

(ИЗ ЗАМЕТОК СТАРОЖИЛА)

Город Плес — один из самых живописных уголков на Верхней Волге. Он расположен на крутых и высоких горах, поросших столетними березами и липами, окружен привольными лесами, наполнен своеобразным и милым обаянием волжской стороны.

Подобно всем верхневолжским городам, Плес, построенный в 1409 году великим князем Василием Дмитриевичем как крепость, преграда на пути врага, изведаль огонь и меч захватчиков, не раз разрушался до основания и вновь вставал из пламени и пепла.

Слава Ивана Сусанина — великого патриота русской земли — дает знать о себе и в Плесе: недалеко от города — в селе Коробове — живут его потомки, в другом селе — Прискокове — похоронена рядом со своим мужем, его дочь Антониды Сабинина.

Плес издавна известен и как город-здравица. Между прочим, первыми «дачниками», правда, вынужденными, были здесь артисты балета, «эвакуированные» в 1812 году из Москвы.

С конца прошлого века Плес стал среди художников излюбленным местом работы. Исаак Левитан запечатлел его скромную и светлую красоту на своих полотнах. После Левитана в Плесе работали Бакшеев, Геролов, Павлов, а в последние годы — Романдин, Савицкий, Кукрыниксы.

До поездок в Плес, т. е. до 1888 года, Левитан не пользовался сколько-нибудь широкой и устойчивой известностью. О нем, авторе ряда «подмосковных этюдов» и хороших картин: «Осен-

ний день. Сокольники» и «Вечер на Волге», говорили лишь как о художнике, «подающем надежды». После поездок в Плес, во время которых было написано свыше тридцати картин, Левитан сразу приобрел известность и признание. Его талант расцвел неожиданно и пышно, словно весеннее дерево под теплым дождем. Этому способствовали обилие художника с народом, приобщение к русской истории и ее героических проявлениях.

Левитан в Плесе упорно и неутомимо работал. Его широкий полотняный зонт белел то на горных откосах, то в «ветхом дворике», то на волжском берегу, то в пригородной роще.

Многие из картин, написанных Левитаном в Плесе, с полным основанием можно отнести к числу лучших в его творчестве. Это «Березовая роща», «После дождя. Плес», «Вечер. Золотой Плес». Здесь же была закончена «Тихая обитель» (начатая несколькими годами ранее под Звенигородом) и начат после поездки в Рыбинск «Свежий ветер». Задуманная и «эскизированная» в Плесе картина «Над вечным покоем» окончательно отработана позднее, в 1894 году.

А. П. Чехов, ознакомившись с плесскими картинами друга, замечательно тонко оценил их как «улыбку» в творчестве художника. Все эти картины насыщены светом — или полуденным, ликующим и знойным («Березовая роща»), или в «Мельнице» осенним, разнообразным и узорчатым, хорошо гармонирующим с пушкинскими стихами, или сумереч-

ным, нежным, мирным и ясным, как обещание нового, бесконечно радостного летнего дня («После дождя», «Золотой Плес»). «Сумеречность» Левитана, которую считали когда-то символической основой его творчества, разрешается не печалью, а именно радостью, проступающей уже в самом тоне его картин — золотом, лиловом, розовом. Левитан столь же оптимистичен и светел по мироощущению, как Пушкин в поэзии и Чайковский в музыке.

Многое в Плесе связано, наконец, с именем гениального русского певца Федора Шаляпина.

Осенью 1908 года в нашем доме появился граммофон. В те времена, в особенности в глухом, заолудном Плесе, это была исключительная новинка и редкость.

Граммофон привезли с нижегородской ярмарки. Дядя Виктор, кузнец, охотник и гармонист, торжественно поставил на стол лакированный музыкальный ящик, прирепил к нему огромную граненую и светлую трубу, достал тонкую пластинку, похожую на овальное черное зеркало, и бережно повернул упругую металлическую ручку...

— Вот штука, так штука! — сказал он с восхищением.

Пластинка плавно и быстро закружилась, в трубе красиво и четко раздалось: «Ехал казак за Дунай»... и по комнате полились грустные и теплые звуки старинного марша. За ними зазвучали арии из опер Чайковского и Римского-Корсакова, широкие и раздольные русские песни, тревожные и страстные цыганские мелодии Вари Паниной. Потом, как бы затопляя комнату великолепным золотым гулом, послышалось могучее и просторное «Вниз по матушке по Волге». Чудесный го-

лос, выговаривающий эти слова, был предельно силен и одновременно мягко певуч и свободен. Он легко покрывался, но не заглушался согласным и стройным распеваем хора: «По широкому раздолью...» Создавалось не только слуховое, но и осязательно-зрительное впечатление волжской «погодушки», волжской бури, шумно гудевшей в надежных и необоримых парусах.

— Шаляпин поет, наш брат, волжанин, простолюдин, — сказал с дрожью в голосе дядя. — Он улыбнулся и, по-детски сияя глазами, добавил: — Другого такого певца во всем мире нету...

Слава Федора Шаляпина, звучавшая тогда по всей стране, долетала и до нашего города.

— Шаляпина! Шаляпина! — неустанно просили из толпы, слушавшей по праздничным дням граммофон под нашими окнами.

Местный врач Ф. П. Чекалов говорил с задорной улыбкой:

— Наградит же всевышний человека таким горлом. Не горло, а золотая кузница.

...И вот неожиданно Шаляпин приехал в Плес.

Был ясный июльский день. На базарной площади горько пела шарманка. По Волге от Костромы плыл розовый «Самолет» (так назывались тогда пароходы акционерного общества «Самолет»). Поравнявшись с пристанью, он загудел, сделал широкий поворот. С парохода вместе с купцами, крестьянами и дачниками сошел великан в зеленой охотничьей куртке, в альпийской шляпе с пером, в длинных болотных сапогах.

Его крупное, типично русское лицо, выбритое до голубизны, было бесстрастно. В больших умных глазах вспыхивали лукавые искорки. Побрякивая тростью, он

пошел какой-то широкой походкой по нижней улице. Перед ним открывался лесковский или кустодиевский мир маленького захолустного городка.

Слух о Шаляпине быстро разнесся по городу. За ним уже ходила целая толпа. Опять просили, конечно, спеть, но он с улыбкой показывал на горло.

На другой день в сумерки я проходил парком, мирно дремавшим над Волгой. Волга, вся зеркальная, смугло золотилась от низкого солнца. Было очень тихо, только вскрикивала где-то одинокая чайка, и гулко, не нарушая, однако, тишины, разносился стеклянно-крутой плеск паровых колес. И вдруг в этой тишине раздался мощный, свободный и легкий голос.

Из-за острова на стрежень...

Знакомая, повсюду распеваемая в те годы песня показалась незнакомой и новой, неисчерпаемо прекрасной.

Я быстро пошел тропинкой среди лип к усадебному дому. Шаляпин пел, стоя на балконе. Он был в русской рубаше из желтого шелка, руки его были сложены на груди. Огромная голова его, чем-то напоминавшая голову тигра, была запрокинута, глаза чуть прищурены от солнца. Около него на столике стояли пышные пунцовые пионы. Его слушали с холодной и почтительной вежливостью несколько мужчин в чесучевых костюмах и дам, с аппетитом евших вишни. Только какая-то барышня с розой в смоляных волосах не спускала с Шаляпина восторженных глаз...

Потом к балкону стали подходить деревенские парни и девушки. На их лицах была непосредственная радость. Шаляпин сошел с балкона.

— А ну, братцы, споем хо-

ром, — весело сказал он. И, размахивая руками, как бы дирижируя, запел с незабываемой русской задумчивостью:

Среди долины ровные,
На гладкой высоте...

И согласно, сначала нестройно, потом все ладнее и музыкальнее ему ответили с той же глубокой задумчивостью:

Стоит-растет высокий дуб
В могучей красоте...

Под Плесом по течению Волги тянутся привольные долины и тенистые овражки, полные по весне соловьев и ландышей. Над ними круто возвышаются горы, обросшие густым и частым ельником. На одной из этих гор стоит усадьба «Порошино». Кусты жасмина и шиповника подступают к самым окнам старого дома. Тихо шумят над ним вековые липы. В конце липовой аллеи розовеет другой усадебный дом — бывшая дача Шаляпина.

Оба эти дома давно стали местами отдыха рабочих и служащих. Любят здесь отдыхать трудящиеся!

Нарядно белеют в парке летние платья, быстро скользят по Волге смоленые лодки. Золотые утра радуют росой, прохладой, свежестью, лунные сумерки — сухим теплом хвой и ржи.

Разливаются в лунной тишине звуки радио. По радио часто звучит неумирающий голос Шаляпина.

Ник. СМЕРНОВ